18+

Юрий Никитин

Чесмен и другие кошмары

Роман

Юрий Никитин

Чесмен и другие кошмары. Роман

«Издательские решения»

Никитин Ю.

Чесмен и другие кошмары. Роман / Ю. Никитин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Щемящий сердце, короткий, как выстрел, новый роман Юрия Никитина повествует о знаковом эпизоде из жизни студентов иняза провинциального вуза в 1960-х гг., которые не участвуют в строительстве коммунизма, а живут, потакая своим страстям. За свободу надо платить, иногда — собственной жизнью…

© Никитин Ю.
© Издательские решения

Содержание

— 1 — 6
— 2 — 10
— 3 — 14
— 4 — 19
— 5 — 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Чесмен и другие кошмары
Роман

Юрий Никитин

© Юрий Никитин, 2026

ISBN 978-5-0071-6314-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— 1 —

Утром его разбудил стуком в дверь тоже студент с насмешливой фамилией Блюменталь — Милославский.

Занимай тот какую-нибудь одну из этих двух достойных фамилий, так никто бы внимания на них не обратил, но, соединённые вместе, они глядели как-то озорно, даже о х а л ь н о, причём, дефис, засунутый посерёдке, не только не спасал положения, а (в таких случаях Самсонов употреблял приглянувшееся ему недавно английское выражение in a small sense[1]) усугублял его.

Блюменталь-Милославский был дороден, глазаст, черняв и имел тот счастливый облик, от которого окружающим его людям делалось покойно, а то и беспричинно весело.

Тому во многом способствовал задорный нрав Блюменталя-Милославского и готовность заливисто смеяться по случаю и без оного.

Говорил он внятно, сочно, слегка подкашливая после недавнего бронхита — Самсонов, узнав о недуге приятеля, сказал ему мрачно: «Бронхит, д э б и, — это рахит верхних дыхательных путей», после чего Блюменталь-Милославский гоготал, побивая себя по бокам и коленям, до посинения, минут пять, а то и все шесть, вкрапляя в смех попеременно приступы икоты и кашля.

Он и теперь прокашлялся, прежде чем сказать своё извечное «здоровохренпетравторого!», въедливо оглядел вначале прихожую, а затем и спальную комнату, при том едва не опрокинув горшок, что было также соразмерным образом откомментировано.

— Девятнадцатый век, керя, — пробурчал он, обходя опасливо горшок. — Ночные вазы, деревянные полы, «варшавская» кровать… Антикварный ты парень, как я посмотрю. Нет, Самсонов, так жили русские помещики лет сто п е з д е с а д назад, но у них, в отличии от тебя, всегда было что выпить, и они прямо с порога подносили гостю чарочку. Ты мне что-нибудь поднесёшь?

— Поднесу, — сказал Самсонов, лениво почёсывая задницу, прикрытую спортивными трусами. — Ты чего припёрся — просто так или по делу?

— С поручением от Стипендии Львовны, — отвечал Блюменталь-Милославский. — Она назначила вам свидание в полдень в известном вам месте. Там, правда, будет ещё некоторое количество людей… преимущественно живых — и один… эээ… how to put it?[2]… тоже бывший живой, то есть хорошо, даже нарядно одетый, но стеснённый в движении и апатичный до охреневения… или охренения?..вот.

— Покойник, что ли? — спросил, подозрительно прищурившись, Самсонов и, подняв с пола пустую бутылку «Ркацители» болгарского розлива (1 р.65 коп.), тотчас же возвернул её на место за ненадобностью. — Кто он, и ты тут с какого боку-припеку?

— Кто он, не знаю, и никто не знает, — пожал плечами Блюменталь-Милославский, протягивая руку к «Спидоле», скучавшей в одиночестве на пыльном подоконнике. — Когда мы с Чесменом одевали его в холодном подземелье с грубыми и пошлыми людьми, он деликатно молчал. Его закололи спицей — прямо в левый сосок. Но шузы у него классные — цебовские мокасины, цвета тёмного шоколада, с рантом и на резинке. Такие были в «сороковом» у Братского сада. Восемнадцать рублей пара- почти целая стипуха!

Он легонько покрутил колёсико справа и, не найдя ничего подходящего, щёлкнул переключателем диапазонов.

---

[1] В определённом смысле (англ.)

[2] Как это сказать? (англ.)

На «Радио Монте-Карло» передавали запись концерта «Rolling Stones» в «Royal Albert Hall».

Блюменталь — Милославский напрягся, поднёс приёмник к уху и сказал:

— Это середина. Они ещё не пели ни «Get out off my cloud», ни «Satisfaction». Кстати, мы т о ж е получили ангажемент.

— В Лондоне? — поинтересовался невзначай Самсонов, натягивая тёмно-синие”Lee», купленные у питерских ватерполистов, загулявших после победной игры в ресторане гостиницы «Новомосковской».

— Поближе, — ответил, качая головой из стороны в сторону, Блюменталь — Милославский. — Играем на панихиде за пятнарик. Путило как меня только не обзывал, но я сказал, что ещё сочиню лично для него стишок… небольшой, в четыре строфы, и он махнул рукой. Ты эти джинсы за сколько, говоришь, взял?

— За тридцатник, — сказал Самсонов, громыхая умывальником. — А стипендия причём здесь?

— Хрен её мама знает! — мотнул невпопад головой Блюменталь-Милославский. — Там со всех институтов народ сгоняют, а стипендия — это вроде как награда за послушание. Нам-то что… Я возьму «Спидолу»?

Самсонов кивнул, высмотрел, а затем и выудил из консервной банки чинарик, прикурил и затянулся, прикрыв от удовольствия глаза.

Ченарь был от «Веги» — оханистый, жирненький, так и просящийся на грех.

Самсонов шумно вздыхал, выпуская кольца сизого дыма. Блюменталь — Милославский порылся в жестянке, вытянул тоже приличный по виду окурое и сказал, задымив:

— Надо полагать, дама твоя ушла без трусов.

Тут он кивнул на какую-то белую материю, примостившуюся на стуле.

— Не было у меня никакой дамы, — ответил Самсонов. — И это не трусы, а майка.

— Так ты что же — один целый горшок за ночь напузырил? Гигант! — восхитился Блюменталь — Милославский. — И потом… ты, кажется, сегодня идёшь на свидание, которое определённо закончится проникновением в тело этой… как её… шотландки или ирландки — ну как её там… Good golly miss Molly![3] — Последнюю фразу он пропел хриплым фальцетом. — Чесмен меня забодал одними расспросами о ней. Дамочка, конечно, классная, но с ума-то сходить зачем? По-моему, он немного с приехалом на этой почве, ты как считаешь?

— Никак, — отрезал Самсонов. — Давай лучше о концерте. Ты думаешь, э т о удобно?

— А какие тут проблемы? — удивился Блюменталь — Милославский, с неприязнью оглядывая усопший чинарик. — Парень возражать не будет, родственничков у него здесь нет — кому должно быть неудобно?

— Просто как-то странно, — замялся Самсонов. — Там покойник лежит, здесь чуть ли не танцулька…

— Да чувак он классный, сам увидишь! — зашумел Блюменталь-Милославский.- И потом, разве не Шекспир сказал: «Где стол был яств, там гроб стоит?»

— Это Пушкин, д э б и, — мягко поправил Самсонов.

— Да они все об этом говорили! — махнул рукой Блюменталь-Милославский. — Мне, by the way[4], ещё стишок для Путилы сочинять…

— Могу помочь, — сказал Самсонов, протягивая приятелю выпивку, схороненную в щербатом стакане за занавеской. — «Вот пришёл Путило — известное мудило!». По-моему, неплохо, а?

---

[3] Хорошая девочка Молли (хит 1950-х гг.)

[4] Между прочим (англ.)

— Думаю, ему понравится, — давясь «сухарём», ответствовал Блюменталь — Милославский. — Особенно, если вдогонку про его корову добавить something of that kind[5]:" За ним пришла Путила-прелестная дурила…» Так можно и поэму сочинить. Эй, а ты меня случайно не мочой напоил?

— Certanly, [6]— сказал Самсонов.- Но есть и хорошая новость: мочи много. Целый горшок. Кстати, ты дочитал «Мастера»?

— Да, — кивнул Блюменталь — Милославский, борясь с желание плюнуть смачно на пол самсоновской горницы. — Классно! Говорящий кот — надо же до такого додуматься! —

Он напрягся, как гончая перед прыжком, прислонил ухо к «Спидоле» и произнёс торжественно, глядя влюблённо на белогрудую красотку:

— Вот сейчас, вот сейчас…

И затянул, гримасничая напропалую, вслед за Джеггером: «I can get no satisfaction…»

Самсонов поднял с пола горшок и, сморщившись, понёс его прочь, но пойдя до прихожей, остановился и задвинул ночную вазу под фасонистое кресло, сидеть на котором не рекомендовалось от руки написанной табличкой, пришпиленной иголкой к спинке.

Блюменталь — Милославский, следя насмешливо за перемещениями хозяина, сказал:

— У нас ещё сегодня сдача крови и «сексуальная среда», if you have not forgotten[7]. Я правильно употребил глагол? А у тебя ещё и проникновение в тело. Что бы тебе не перенести это мероприятие на следующий день? Нашему молчаливому студенту в цебовских шузах это бы понравилось, да и Чесмен перестал бы бухтеть.

Самсонов, дотоле созерцавший ручку горшка, выглядывавшую из-под кресла, не утерпев, всё же задвинул нахала ногой подальше с глаз и, тряхнув головой, спросил:

— А почему ты решил, что сегодня будет какое-то проникновение? Это первое свидание, то да сё — какое проникновение?

— Ну, конечно! — осклабился Блюменталь-Милославский. — Ей лет двадцать семь, а то и все двадцать восемь — будет она тебе турусы на колёсах разводить! Ей каждый час дорог, ибо он неумолимо приближает её к старости и забвению. Оцени стиль, а! И ты ешё тут со своей дурацкой тычинкой — куда ей деваться?

— С какой тычинкой? — недоумённо спросил Самсонов. — Ты чего мелешь, д э б и?

— А с той самой, с какой приличный джентльмен обычно идёт к приличной даме! — озорно ответил Блюменталь — Милославский и, ткнув слегка Самсонова в причинное место, воскликнул: — Oh, my Lord[8]! Если бы у меня была такая тычинка, то я бы точно давно стал миллионером!

— По-моему, ты что-то путаешь, д э б и, — сказал Самсонов, отстраняясь. — В смысле пестика и тычинки…

— Хочешь пестик? — раззадорился Блюменталь — Милославский.-Нехай буде пестик. У нас, чуть не забыл, ещё репетиция этой пьесы, где француженка Натали со второго курса будет полчаса елозить по твоим коленям на затемнённой сцене. Вот и уточнишь разницу между тычинкой и пестиком. Чесмен говорит — она огонь!

— А не пошёл бы ты на хутор бабочек ловить, — устало сказал Самсонов. — И не верь Чесмену. Ему так удобнее — считать, что он их всех перетоптал. А Натали… она так мило краснеет, сидя на коленях… Хотя чего я тебе всё это рассказываю? Разве ты способен понять нежные чувства, которые…

---

[5] Что-то в этом роде (англ.)

[6] Конечно (англ.)

[7] Если ты не запамятовал (англ.)

[8] О, Боже! (англ.)

— Ты горшок не забудь вынести, Ромео, — сказал Блюменталь — Милославский, открывая входную дверь, и оборотившись, вывалил на обозрение Самсонову шершавый, бледно-розовый язык.

«Спидолу» он взгромоздил на плечо и покачивался вместе с ней на ходу

— 2 —

Отдавая белогрудую красавицу — певунью приятелю, Самсонов совершал почти что противоестественный поступок

Это было равносильно тому, что он провожал с ним свою невесту, а то и жену, или давал новую машину в чужие руки, или крупную сумму денег незнакомцу только потому, что тот попросил.

У «Спидолы» в доме был свой статус и свое место. Никто не мог трогать её без разрешения хозяина, хотя это положение было чисто условным: ни матушке, ни бабуле с дедом и в страшном сне не привиделось бы, что они её берут.

Она для них была каким-то дьявольским изобретением, которое хвостатый слушает, развалясь в своих чертогах после утомительной работы.

В подобной метафоре было одно слабое место: в этом случае на месте рогатого следовало бы представить своего сына и внука.

Он купил её год назад, примчавшись на такси домой и вытребовав у матушки полтинник. Для неё это составляло половину зарплаты швеи, но она так любила своего сына, что готова была голодать, только бы угодить ему.

Конечно, ни о каком голодании или недоедании речи и быть не могло, потому что дед с бабулей, жившие в просторном особняке метрах в трехстах, тотчас бы взяли их на полное довольствие.

«Спидолу» продавал за восемьдесят рублей молчаливый парень по кличке Говорун. Он получил её («Спидолу», а не кличку) от своего московского брата, который промышлял фарцовкой и прочими подобными делами.

На дворе был светлый июльский вечер, Самсонов подкатил с шиком к Братскому саду и сделка состоялась: Говорун получил деньги, которые дважды пересчитал, а Самсонов — вожделенную красотку, которую облапил и обнежил.

Это была не обычная «Спидола» из магазина радиотоваров (где её, по правде сказать, никто никогда не видел) с самым коротким диапазоном в 25 метров, а переделанное народными умельцами чудо с 13,16 и 19 метрами!

Это был высший класс. Чисто штатовские тёмно-синие да с ворсом джинсы «Lee Riders», купленные двумя месяцами раньше, и «Спидола» с суперкороткими волнами, на которых можно было без помех слушать все мировые радиостанции, в одночасье сделали Самсонова местной достопримечательностью.

К нему подходили незнакомые люди, спрашивали, как дела, не добрались ли глушилки до 16 метров, кто на этой неделе возглавляет Top Twenty[9] и разве что не просили автограф.

Как-то на лекции, когда Чесмена сморил нездоровый сон после восьми стаканов алжирского сухого красного вина из конуса в магазине сельхозпродуктов (20 коп. стакан), Самсонов, чтобы отвлечь себя от монотонного, вроде мухи, бубнения доцента Балясина по основам педагогики, исписал целый лист своей фамилией, посмеиваясь над собой, но всякий раз пробуя новоё написание.

Случайно он задел друга локтем, тот проснулся, сказал громко: «Какого хрена!…» и снова заснул.

Доцент Балясин, подняв глаза, сердито спросил: «Молодые люди, я вам не мешаю?», на что Самсонов быстро ответил, с испугу повысив преподавателя в звании: «Нет-нет, профессор, крайне увлекательная лекция!»

---

[9] Хит-парад лучших 20 песен на Би Би Си (англ.)

Балясин покачал головой и продолжил бубнить пуще прежнего: видимо, сказалась перспектива стать профессором…

А Чесмена вскоре вырвало, и кислый дух рвотных масс пошёл вверх, заставив трёх барышень, зажав носы, пересесть, но тут лекция закончилась, будущий профессор ретировался, сделав вид, что ничего не заметил, а Самсонов пошёл искать уборщицу с ведром и шваброй, которой поведал печальную историю о том, что его друг отравился рыбой и его вот-вот заберёт «Скорая помощь».

К брехне он приложил рубль, и еле догнал уборщицу, которая явно хотела быть первой на месте происшествия…

Самсонов же кое-как перевёл обессилевшего Чесмена в туалет, благо он был рядом, усадил на крышку унитаза, а сам устроился на подоконнике и стал слушать «Радио Монте-Карло».

Там в это время передавали новинку от Тома Джоунса «I'll never fall in love again».

Звук у «Спидолы» был зашибись!

Он сделал ей прописку на левом плече и издали был похож на инопланетянина с антенной на голове.

В начале лета он услышал на русской службе «Голоса Америки» анонс: в ближайшую субботу еженедельная рок — программа будет целиком посвящена письму студента Самсонова из провинциального города в дельте Волги.

В назначенное время улица Советская в районе Кировского садика была запружена молодыми людьми с длинными волосами, в белых и чёрных футболках, джинсах и шортах.

Милиция на всякий случай разогнала их, разрешив остаться десятерым, окружившим Самсонова со «Спидолой».

Они устроились на низком чугунном ограждении садика и болтали о том о сём, ожидая начала программы.

Последовавшие за этим сорок пять минут были настоящим триумфом Самсонова.

Прежде всего, ведущая отметила хороший вкус, проявленный автором письма при выборе музыкантов и их произведений.

Причём, там было несколько композиций, о которых не знали даже музыкальные редакторы программы! Особо отмечалось и то, что большая часть письма была на хорошем литературном английском языке.

В качестве подарка автору обещалось выслать свежий номер журнала «Down beat»[10] и новый диск Дэйва Брубека.

К слову сказать, всё это вскоре благополучно дошло до адресата.

Событие отмечалось в ресторане гостиницы «Новомосковской», а потом в затемнённых аллеях Братского сада — уже с девушками, которые мало что понимали в поп-музыке и джазе, но были всегда готовы повеселиться и плотно пообщаться с молодыми и не очень молодыми людьми.

Также это явление не осталось не замеченным и в некоторых серого цвета государственных учреждениях.

Правда, там обошлось без банкета — ограничились записью в специальном журнале, которая спустя годы напомнит о себе Самсонову.

А тогда он приплёлся домой, что называется, «на бровях», и чтобы не разбудить матушку, устроился на веранде, и сразу уснул, устроив «Спидолу» у себя под боком.

Счастлив он был безмерно!

Девушки, случалось, ревновали его к «Спидоле». Ни к одной из них он не относился с такой нежностью и вниманием, как к этой пластмассовой игрушке.

Даже милиция не упрекала его за слишком громкий звук в общественном месте!

[10] Джазовый журнал США (англ.)

Однажды он сидел с какой-то подружкой в нише у здания горкома партии на Володарского и слушал программу Би Би Си «Глядя из Лондона».

Помня, где находится, он убавил звук, однако постовой милиционер всё равно подошёл и сказал: «Слушай, парень, сделай погромче!»

Это была настоящая, самая большая в мире библиотека звука. Сотни мелодий вливались ему в уши и душу каждый день, но самое незабываемое, просто-напросто ошеломляющее впечатление произвёл на него Джимми Хендрикс со своей ни на что не похожей «Hey, Joe!»

Самсонов хорошо запомнил эти минуты волшебства. Он протирал окно в спальне на Каховского, в особняке своих старичков, а «Спидолу» взгромоздил на платяной шкаф, и вот оттуда, как с небес, исторглись вдруг поразительные звуки, и кто-то неизвестный пропел неспешно хрипловатым голосом ему прямо в душу: «Hey, Joe!», подгоняя слова деликатным стоном гитары.

Мойщик окон замер на мгновение, задрав голову, потом хотел снять «Спидолу» со шкафа — но не смог!

Мозг давал команду руке, а та ему не подчинялась.

В этой нелепой позе он и пребывал до тех, пока музыка не стихла, а ведущий «Радио Свободы» не представил саму композицию и ее исполнителя: Джимми Хендрикс, «Hey, Joe!»

Только тогда Самсонову удалось снять «Спидолу», и сделал он это бережно, словно боялся уронить её и разбить затаившуюся в ней фантастическую мелодию.

На следующий день он рассказал об этом Чесмену с Блюментальским.

Они покачали головами, поцокали языками и сказали, что попробуют отыскать этого самого Joe в своих приёмниках. У одного был ВЭФ, у другого-Telefunken.

Отыскали, услышали, не впечатлило. Да, сказали, интересно. Этим и ограничились.

Самсонов даже обиделся. Ну, слушайте свою попсу, подумал он, с «she loves you, eah, eah, eah!» А есть ещё очень хороший советский твист, называется «Лучший город земли». Туда же, в общую кучу! Придурки…

Целый день он старался не общаться с ними, отвечал односложно, а на следующее утро Чесмен подошёл к нему и сказал. что вечером он ещё два раза послушал Хендрикса и что тот действительно гигант.

Блюментальский, стоявший рядом, ничего не сказал, но энергично покивал головой в знак согласия.

Мир был восстановлен, и они отметили это тем, что не пошли на последнюю пару, которую вёл небезызвестный доцент Балясин, не ставший пока профессором, а отправились в пивнувку на Стрелке, где встретили «Большую Фляжку», студента-медика, всегда носившего при себе емкость со спиртом, с вытекающими из этой встречи, также как и из ёмкости, последствиями.

По ночам Самсонов слушал Виллиса Кановера на английской службе «Голоса Америки» с «Часом джаза».

Он любил этот насыщенный, бархатистый голос, ежедневно в полночь всегда одинаково представлявший свою знаменитую программу: «This is Willis Conover from the Voice of America with «Jazz hour"*.

Однако, помимо обильной информации и удовольствия от искромётной музыки корифеев джаза, эта программа несла в себе и некоторые разрушительные элементы.

Примерно через неделю после того, как Самсонов начал её слушать, ему вдруг пришло на ум, что джаз унижает современную популярную музыку, которую теперь взахлеб слушает весь мир, делает её серенькой и какой-то ненастоящей, условной, как это бывает у детей, когда они договариваются между собой считать неструганную палку ружьём.

Нельзя сказать, что джаз был для Самсонова чем-то абсолютно новым и неведомым.

Он познакомился с ним давно, когда ему было лет двенадцать.

Отец (тот еще меломан!) купил новомодную радиолу «Мир» с проигрывателем наверху, к которому какой-то его собутыльник в очках, помятой шляпе и с носовым платком присовокупил коробку с пластинками.

Друзья, а точнее, собутыльники у отца были как на подбор!

Один был без ноги — он всегда отставал от компании и тяжело дышал, высовывая, как собака, язык. Отец рассказывал, что он всю войну прошёл без серьёзного ранения, а ногу потерял, попав по пьянке под трамвай. Самсонов жалел его и давал ему конфеты. Он их брал и почему-то плакал.

А тот, у которого был носовой платок, всегда что-то незаметно (как ему казалось) брал со стола, заворачивал в газету и прятал в кармане пиджака, который ему вместе с другим барахлом отдал как-то отец во время очередного приступа человеколюбия.

Дождавшись, когда он останется дома один, юный Самсонов приступил к ревизии коробки.

В основном там были известные уже ему Лещенко, Вертинский, Козин, Романов, но одна пластинка сразу же привлекла его внимание и необычным конвертом, и незнакомыми словами.

И хотя он уже год изучал в школе английский язык, прочитать эти мудреные слова на кружёчке диска он не смог.

Но лейбл увидел и запомнил: смиренно сидящую перед раструбом граммофона собаку, которой была знаменита фирма «His Master, s voice».

Тогда он просто открыл крышку радиолы и поставил пластинку на проигрыватель.

Это был оркестр Гленна Миллера. Спустя три года он ещё не раз услышит его на ночном сеансе в «Железке» — кинотеатре железнодорожников на Кутуме, напротив пожарки, сидя с комфортом на дорогих местах на ветке одного из больших деревьев, окружавших киношку.

Когда однажды он рассказал об этом Чесмену с Блюментальским, те сначала переглянулись, потом засмеялись, и Блюментальский поинтересовался:

— И ты хочешь сказать, что ни разу не падал с этой ветки?

— Ннет… — неуверенно ответил Самсонов. — А чего это ты спросил?

— Да так, с дури, — ответил за Блюментальского Чесмен. — Если бы ты упал с дерева, то был бы теперь горбатым, и мы бы тебя пытались придавить к стенке.

И после этого оба загоготали, как ненормальные.

Самсонов посмотрел на них и тоже засмеялся.

В общей сложности он смотрел «Серенаду солнечной долины» семнадцать раз (восемь из них-на ветке) и мог прилично насвистывать «Chattanooga Choo-Choo» и даже петь начальную фразу: «Pardon me, boy! Is that the Chattanooga Choo-Choo?[11]» и дальше пыхтеть, как паровоз, идущий в Чаттанугу.

Но тогда, услышав ее в первый раз, он был просто сражён ладным, хрустально-звонким звучанием большого оркестра с хрипловато-насмешливым голосом солиста.

Отец, послушав её, собрался выбросить на помойку, но он со слезами выхватил пластинку у него, по обыкновению полупьяного, и убежал в сарай, прижимая к груди.

Он долго хранил её у себя, иногда слушал с закрытыми от удовольствия глазами, пока не разбил вдребезги, случайно уронив на неё фаянсовую статуэтку, изображавшую собаку с покалеченой лапой.

[11] Извини, парнишка! Это вот самый поезд в Чаттанугу? (англ.)

— 3 —

Со ста шагов от троллейбусной остановки новый корпус иняза походил на крематорий.

Самсонов, молодой человек расхлябанной наружности, одетый в синие джинсы, плотную рубашку с карманами и бежевые мокасины английской фирмы «Lotus», поправил неспешно тёмно-каштановую прядь, прикрывавшую при ходьбе левый глаз, и подумал в унисон движению руки, в которой нес зачехлённую гитару, а отчего это мысль о крематории при взгляде на alma mater не приходила ему раньше — и тотчас же ответил сам себе, вновь потревожив непослушный волос: оттого, д э б и, что ты шёл к этой обилоне со стороны трамвайных путей и видел лишь фрагмент здания, а потом ещё эти bloody girls[12] с их дрожавшими, как медузы, попками…

Тут от запнулся в мыслях, остановился у пепельницы, изображавшей пингвина с разинутой пастью, плюнул с безразличным видом в эту пасть, сказал протяжно, растянув губы: «bloooody» и, оглядевшись, признался себе, что звучит это слово не очень… ну, совсем не очень. То есть, даже оно и по сути могло оказаться ошибочным, потому что не все же девушки непременно должны быть bloooody. Хотя, если зайти с другого конца…

Он продвинулся ещё шагов на пять — и остановился. Впереди, за чахлым парком, где хирело и его, Самсонова, деревце, посаженное по весне в нетрезвом виде на субботнике (сам сажалец уж и не помнил теперь, полил ли он кучерявую бедолагу), там впереди, на объёмной площади перед клумбой пестрело огромное серое пятно, колыхавшееся будто от ветра.

«Однако любит у нас народ похороны, — подумал Самсонов, прикуривая очередной чинарик от облезлой зажигалки, с которой всё никак не мог расстаться. — Особенно, если на них выдают стипуху…»

Тут он усмехнулся, одномоментно выпуская изо рта дым, и с этим прищуром стал похож на какого-то диковинного зверька, пристрастившегося к курению.

Приподняв ворот у поплиновой рубашки и тряхнув гривой волос, отчего они на удивление складно о п у ш и л и голову, Самсонов двинулся вперёд, навстречу толпе.

Пробираясь сквозь неё и отвечая на приветствия, он взглядом пытался отыскать кого-то из своих — либо Блюменталя — Милославского, либо Чесмена, но узрел лишь Малкина, техника из лингофонного кабинета, помогавшего им на концертах с аппаратурой и иногда заменявшего барабанщика.

Малкин был огромным увальнем. С его пухлощёкого лица не сходила глуповатая улыбка, которую он использовал в качестве липкой ленты для простодушных барышень, коих на инязе, как и мух в арбузную пору, водилось немало.

Он говорил неспешно, тихим, вкрадчивым голосом, почти не пил, что вызывало у Самсонова определенные подозрения в том, а не покуривает ли он чего-нибудь?

Кто-кто, а Самсонов в этом деле знал толк, потому что вырос за Красным мостом, где, наседая друг на друга, ютились деревянные домишки с небольшими дворами, в которых было немало любителей «травки».

Они не прятались по углам, а сидели днём на сваях Красного моста или в беседках, вечером — на тротуарных бордюрах под уличными фонарями.

Сидели они преимущественно на корточках, курили, плевали на землю или в воду, падали с перил, расшибая в кровь стриженные под полубокс головы, снова смеялись да ещё пуще прежнего, завидев окровавленного кореша, посылали мальцов за хлебом в булочную на углу, рвали буханку зубами, давясь от нетерпения — и ждали какого-нибудь залётного фрай-

[12] Чёртовы девки (англ.)

ера, чтобы доступно объяснить ему с помощью стальной арматуры, что он, фрайер залётный, напрасно приконал сюда с ихней Веркой или Нинкой, ой как напрасно…

Самсонова они знали и уважали, признавая за своего. Во первых, со многими из них он вместе вырос, а во-вторых, будучи студентом, носа не задирал и всегда присаживался в круг, по которому «ходила» папироска.

Поначалу ему тоже предложили курнуть, и он курнул, но ничего не почувствовал, однако, когда поднялся на ноги, то его так шарахнуло в сторону, что он споткнулся о бордюр и отлетел метра на три, прямо на проезжую часть, благо она была пустынна.

Смех, который последовал за его кульбитом, ещё долго жил в ушах Самсонова…

Следующий раз, когда ему предложили «словить ха-ха», он от этого «удовольствия» вежливо отказался, сказав, что у него и своей дури в голове вполне достаточно.

Однажды, когда он шёл домой с гитарой, они упросили его сыграть для них что-нибудь этакое, иностранное, и Самсонов спел «Шестнадцать тонн».

«The sixteen tons and what do you get**…» — пел он, прибасывая, и бил по струнам с таким ожесточением, будто это ему предстояло сейчас спуститься в шахту и выдать на-гора эти чёртовы шестнадцать тонн угля.

Когда он закончил петь и глянул на публику, то сразу понял, что ошарашил её напрочь.

Ничего удивительного в этом не было: до знаменитого блюза Лу Рида главным хитом для них являлось музыкальное произведение со словами “ Заварил мне попугай “ Беломор» в полосочку, заварил мне попугай «плана» папиросочку…»

С минуту, пожалуй, все молчали, а потом рыжий Витёк, его уличный приятель и футбольный партнёр, затребовал перевод.

Самсонов вкратце нарисовал безотрадную картину каторжного шахтёрского труда, думая, что сейчас они снова «словят ха-ха», но он ошибся — его ещё два раза вызывали «на бис».

Слушали они напряженно, угрюмо, некоторые плакали беззвучно, не отирая слёз.

Чёрт побери, думал Самсонов, пропевая уже вместо текста какую-то белибердятину, а ведь они жалеют несчастных шахтёров! Потому и слёзы льют, что у пацанов в далёкой и несчастной Америке, несмотря на рабский труд, кругом одни долги и селикоз с туберкулёзом…

Он попытался было уйти незаметно, так его остановили, и Бабай, рыхлый, рябой татарин, один из тех, кто плакал, попросил написать на листке текст песни, но так, чтобы рыжий Витёк смог…

— Ясно, — сказал Самсонов. — Английские слова русскими буквами.

— Во-во, -закивал Бабай. — Сделай доброе дело, а мы тебя отблагодарим, за нами не заржавеет.

Самсонов следующим же вечером принёс им листок из тетради в клеточку, на котором было начертано: «Зе сикстин танз энд вот ду ю гет…”, и через четверть часа получил гонорар в виде большого кулька с конфетами «Мишка на Севере», которые он отдал матушке, отругавшей его за то, что он тратит немыслимые деньги на сладушки.

Он еще показал Витьку три аккорда, потому что Бабай сказал племяшу с обычной своей кривой ухмылкой: «Если к завтрему не сбацаешь, то я тебя, суку, замочу и скажу, что так и было».

Бабаю верили. Он уже «отмотал» один срок за убийство армейского офицера во время случайной драки бритвой по горлу в ресторане «Волга», и за «базар» отвечал.

Спустя три дня Самсонов, идучи домой, забрёл на огонек и подивился тому, как ловко Витёк бацает на гитаре и как лихо выговаривает непонятные ему слова.

Среди слушателей был и Курултай Досмухамедович, участковый. Он сидел на коне, уныло озиравшего собравшихся большим продолговатым глазом, и время от времени вертел головой — Курултай Досмухамедович, разумеется, а не конь, который к тому же был кобылой.

«Это по- каковски же он поет?» — поинтересовался участковый у Самсонова, поглаживая кобылу по тощему боку.

«По — вьетнамски, — ответил строго Самсонов. — Вьетнамские крестьяне взяли в плен американского лётчика и объясняют ему, как нехорошо он с ними поступил».

Курултай Досмухамедович вздохнул, огрел сонную кобылу по загривку и сказал негромко: «Что-то не нравится мне это дело. Где это было видано, чтобы блатные вьетнамские песни пели. Хотя, с другой стороны, может, воровать меньше будут…»

И поцокал по булыжной мостовой…

А на место Курултая Досмухамедовича явился вновь тихушник Малкин, который говорил медленно, и (цитируя Чесмена) можно было родить, пока он закончит свою повесть из двух предложений.

— Там… — палец указал на здание, — тебя… эти ждут… — руки что-то округлили в воздухе, — Чесмен… и этот… — и ткнул в здание.

Самсонов хотел было что-то уточнить, но посмотрел на Малкина, который все еще разглядывал собственный палец, похлопал вестового по плечу и пошёл в корпус.

В вестибюле на постаменте стоял гроб, заваленный цветами. Вокруг него расположились молодые люди с чёрными повязками на руках.

Чесмен отодвинулся от Блюменталя — Милославского, освобождая место для вновь прибывшего, и сказал негромко:

— Нам тут ещё десять минут вытягиваться, а потом на четвертый этаж, на «секс-среду». Малкин притаранил «Плейбой», а я расскажу про секс в среднем возрасте.

— В среднем возрасте? — удивлённо переспросил Блюменталь-Милославский, поправляя высунувшийся было из гроба георгин. — Ты хочешь сказать, что в сорок лет они ещё…

— Как кролики! — усмехнулся Чесмен.

— То есть, вот этот самый Путило-мудило со своим сморщенным пестиком… — не унимался, будто лично обиженный всем этим, Блюменталь — Милославский.

— Вот по поводу опять же пестика… — вмешался в разговор Самсонов. — У нас что всё-таки: пестик или тычинка?

— Не знаю, что у кого, а у меня с утра была тычинка и совсем не хреновая, доложу я вам! — горделиво ответил Чесмен. — Ты на ботанике чем занимался — девок голых рисовал? Ладно, тут другое. У нашего покойного коллеги колёса зашибись. Надо бы как-то спасти их от тления. Выбрать бы момент да и снять, а ноги цветами прикрыть…

— Д э б и, ты, часом, не рехнулся? — мягко вопросил Самсонов. — Ты собираешься носить обувь, снятую с мёртвого человека?!

— Не носить, а загнать за пятнарик, — обиженно прошипел Чесмен. — А на пятнарик можно будет взять четыре «армянина» в чине старлея. Там ведь ещё девять дней, сорок дней, полгода, год…

— А что… — сказал дотоле молчавший Блюменталь — Милославский, — в этом определенно что-то есть… Только к т о будет снимать обувь?

— Малкин, — твёрдо ответил Чесмен и, вытянув шею, словно перескоп, стал оглядывать помещение. — Малкин снимает, я толкаю, а вы добавляете полтора рубля, идете в синенький магазин на Косу или к Горе на Исады и затариваетесь двухлитровочой с видом библейской горы Арарат. Nothing personal- business only![13]

— Что-то мне этот бизнес не того… — сказал Самсонов.

— А ты иди себе по холодку, — с прохладцей же ответил Чесмен.- Твоя роль здесь — сто двадцать пятая. Возьми тычинку или что у тебя там… в обе руки, сходи к good golly miss Molly и обсуди с ней кое-какие ботанические вопросы, и вообще отдохни. Это ведь ты напяливал

[13] Ничего личного — только бизнес! (англ.)

замёрзшими руками на парня трусы, рубаху и костюм, это ведь тебя выворачивало наизнанку при одном только виде его наспех зашитого живота и груди… Коновалы, мать их! Короче, ты с нами?

— С вами, с вами, — сказал Самсонов. — А что — без истерики нельзя было обойтись?

— Да я тут подумал, что тебе деньжат жалко стало, — разулыбался Чесмен.- Ошибся, видать, с кем не бывает… Пошли сначала к кровососам, по трёшнице слупим да кагорчиком слегка полирнём перед «Sex wensday». День длинный сегодня будет.

— У меня ещё свидание в час, — напомнил Самсонов.

— Отмени! — приказным тоном произнёс Чесмен. — Никаких fucking shits[14], пока т е л о не погребено. Посмотри на парня. Как классно он одет, как скромно и с достоинством держится. И выглядит он получше, чем ты, Самсонов. А почему он выглядит лучше тебя, Самсонов? Да потому что в отличии от тебя не пьет и не шляется со своей тычинкой по охренительным ледям в твидовых костюмах.

— Ты думаешь, это был твид? — с сомнением вопросил Блюменталь — Милославский.

— With no doubt[15]! — с надменной гримасой произнес Чесмен. —Только настоящий шотландский твид может так нежно облегать женскую попку. Которая, чтоб вы знали, не дает мне уснуть вторые сутки. Хотя… вот что, Самсонов: ты всё-таки потом сходи по шустрому на свидание и приведи её сюда. Здесь народ, м е р о п р и я т и е, концерт опять же с твоим участием… Тычинку можешь сдать на хранение Малкину — он вернёт её тебе по утрянке.

Самсонов хотел что-то сказать, но не успел, потому что Путило пришёл со взводом сменить караул.

Был он одет согласно похоронному этикету во всё чёрное, и глуповато — кругловатое лицо его тоже будто потемнело.

Какой-то студент из вновь прибывших оглядел деловито гроб и громко сказал:

— А коцики-то у жмура ништякские, замшевые! На хрена они ему теперь нужны? На танцы он сегодня точно не пойдёт!

Чесмен подошел к Путиле и тоже громко потребовал:

— Уберите этого мародёра! Он того гляди без обуви покойника оставит.

Путило пошмыгал носом, подошёл к лохмачу и молча вывел его.

Чесмен довольно хмыкнул, глядя им в след, и сказал:

— Всё, отмазка теперь будет зашибись! Айда к вампирам.

— Я это… — замялся Блюменталь — Милославский. — У меня бронхит…

И прокашлял два раза для подтверждения диагноза.

Чесмен посмотрел на него недобро, покачал головой со знвменитой стрижкой американских морских пехотинцев crew cut и, взяв Самсонова под руку, походя заметил:

— Вот представь себе, старик, картину: ранило наших солдатиков в бою на далёком острове у китайской границы, нужна кровь до зареза, медсестричка шасть к Блюментальскому, а тот говорит, извини, мол, не могу — рахит у меня с самого рождения. Вон там из вестибюля сейчас два придурка выходят, ты пойди к ним, у них крови — море, а у меня рахит, как у всякого уважающего себя Блюментальского.

— Так мы, может, тоже не пойдём, коли такое дело, — сказал Самсонов, высвобождаясь от опеки. — Что-то мне этот кагор в прошлый раз в горло не лез.

— А ты его не пей! — разрешил Чесмен, выходя из зала. — Троячок возьми, а кагорчик мне уступи. Мне от него духоподъёмные мысли на ум приходят.

— Я чего-то не понял, — сказал Блюменталь — Милославский, плетясь за донорами с покрасневшей физиономией. — Ты меня в чём-то сейчас обвинил?

---

[14] Хреновых дел (англ.)

[15] Без сомнения! (англ.)

— Нет, — твёрдо произнес Чесмен. — Я просто нарисовал гипотетическую картину. Надеюсь, ты не против того, что я назвал нас с Самсоновым придурками? Ну, вот и ладушки! Пойди-ка к Малкину и поговори с ним насчёт экспроприации башмаков. Скажи, что всё согласовано. А он там устроит какой-нибудь технический перерыв, чтобы народ перекурил. Всё, мы пошли. Обними нас на прощание и помолись за нас, басурманин!

И друзья действительно обнялись и даже какое время простояли так, прислонившись один к другому, чем обратили на себя внимание толпы — внимание, по большей части, иронического свойства.

Потом, уже на выходе Самсонов сказал Чесмену:

— А ты знаешь, что прошлый раз, когда тебя не было, мне дали одну интересную брошюрку. Я её от нечего делать полистал и выяснил, что после сдачи крови нельзя заниматься тяжёлым физическим трудом, тренироваться, пить, курить и самое главное — вступать в половую связь.

— Прямо так и было написано? — недоверчиво спросил Чесмен.

— Именно так, — подтвердил Самсонов. — Правда, я всё же выкурил сигарет пять и выпил сухого вина, но в половую связь не вступал. Если я не путаю что-то…

— А я, пожалуй, готов соблюсти первые два пункта-не заниматься тяжёлым физическим трудом и тренировками, причём, всю оставшуюся жизнь, но что касается остального, особенно половых связей — извините, господа, тут вы превысили свои полномочия и вторглись в частную жизнь, охраняемую законом! Вот так, чтоб вы знали…

Самсонов пожал ему руку и похлопал по плечу.

— 4 —

Самсонов познакомился с ними в разное время и разных местах: с Блюментальским — на танцах в своей школе под какой-то праздник, а с Чесменом уже в институте.

Танцы в ту пору были единственным легитимным способом обнять и прижать к себе девушку, не получив при этом либо по морде, либо срок.

Многие считали, что Самсонов танцует хорошо, но это было не так.

Танцевал он плохо, а вот подделывался под партнёршу действительно хорошо.

Школьные танцы он не баловал своим присутствием, потому что там было всего две стоящих барышни или, если по-простому — чувихи, с которыми он уже наобнимался и наоблизался вдоволь.

Он ходил со своими уличными приятелями, которые были немного постарше него, на танцы в дом культуры ГРЭС. Там играл лучший в городе состав, чувихи собирались со всего околотка, и среди них было много безотказных.

Однажды с Самсоновым увязался одноклассник по кличке Чудо. У него были великолепные знания по математике, химии, физике, то есть, всему тому, чего не знал и не ведал Самсонов, который не раз и не два использовал наивного парня в своих корыстных целях, имея в результате твёрдые «четверки» по вышеозначенным предметам.

Но пришёл день, и раб восстал.

«Всё, — сказал он, — ничего больше не буду делать, пока ты не возьмёшь меня с собой на танцы в ГРЭС».

Пришлось брать. В трамвае Чудо, обозрев пространство и увидев, что рядом никого нет, спросил: «А что делать, чтобы в танце не было заметно… ну этого… как его… желания?»

Самсонов, подавив усмешку, серьёзно ответил: «Не желать». — «Ясно», — сказал Чудо и снова принял задумчивый вид.

Редкие танцы обходились без массовой драки. Им обычно предшествовали небольшие, но кровавые стычки в туалете.

Чтобы в него попасть, нужно было спуститься на пять ступенек по лестнице, а уж там как Бог на душу положит…

Тебя могли оглаушить при входе, могли и на выходе — в зависимости от того, заняты были бойцы или свободны.

Дубасили ни за что, просто так, чтобы жизнь медом не казалась.

Чудо, не поверив Самсонову, сунулся было туда, но уже на лестнице получил по носу и еле ноги унёс.

— Ну, — спросил Самсонов, когда они ехали обратно, — пойдёшь в следующий раз?

— Пожалуй, что нет, — ответил тот, прикладывая к носу платок. — Я не умею драться да и танцую так себе…

Блюменталь — Милославский на танцы в ГРЭС не ходил.

Там собиралась преимущественно рабочая молодежь, люди с окраин, а те, кто жил в центре, предпочитали другие места, чаще всего, рестораны или частные квартиры.

На танцы в школу на Больших Исадах Блюментальский попал по рекомендации одного своего друга, который сказал, что там учится чувак, который хорошо знает английский, охренительно рубит в музыке и даже сечёт в джазе.

Блюментальский почесал затылок. Как раз накануне папец принёс свежий номер журнала «Америка», который продавался в их ведомственном киоске.

Центральной темой журнала был американский джаз.

На развороте была красно-черная фотография Луиса Армстронга с трубой, выпученными глазами и большими шарами вместо щёк.

Так они познакомились и сразу нашли общий язык: музыка, литература, девочки, очень умеренно сигареты и алкоголь…

Они вместе готовились к вступительным экзаменам на иняз, куда на удивление был приличный конкурс — пять человек на место.

В результате Блюментальский набрал на балл больше Самсонова, и оба благополучно поступили на английское отделение.

Но и у Самсонова была своя маленькая победа. Преподаватели сказали, что никогда ещё не видели абитуриента с таким знанием английского языка, а одна из них- элегантная женщина средних лет с замысловатой причёской (это была прелестная Рози) спросила смущённо, не жил ли он случайно в Англии?

«Я и теперь там живу, — ответил с улыбкой Самсонов. — Виртуально».

После чего преподы поняли, что вскоре у них на факультете появится оочень необычный студент…

А с Блюментальским они были, что называется, не разлей вода.

Однажды тот пригласил Самсонова к себе домой, и это путешествие весьма его впечатлило.

Начать с того, что у подъезда скрытого леревьми дома на небольшой улочке в самом центре города, стоял постовой милиционер с пистолетом в кобуре.

Блюментальский молча кивнул ему и, взяв приятеля под руку, повёл по широкой лестнице на третий этаж.

Квартира была огромной — во всяком случае так показалось Самсонову. Имелось там три комнаты и просторная кухня, по сути, столовая.

У Блюментальского была своя комната. Там стояла штанга-гриф и два блина, висели боксёрские перчатки и «груша», стены были завешены разворотами журналов с поп-певцами. Висел здесь и портрет Луиса Армстронга с надутыми шарами вместо щёк.

Стол, стул, тахта в углу, настольная лампа, красивый светильник и, конечно же, знаменитый «Телефункен», которому до «Спидолы» было, как одному хрюкающему животному до неба — словом, это был райский уголок!

Однажды, в минуты откровенности, после принятия соразмерной дозы Блюментальский расскал Самсонову о своей семье.

Глава семейства был сыном того самого Якова Блюменталя, который входил в ближний круг Льва Троцкого, но успел вовремя соскочить с этого круга, придя к Сталину не с пустыми руками.

Понятно, что его пропесочили, но ни самого, ни семью не тронули, и даже нашли ему хлебное местечко в одном из наркоматов.

У Якова Блюменталя был сын, предусмотрительно названный Михаилом — будущий отец теперешнего Блюментальского.

Он сделал неплохую карьеру и в настоящее время занимал вторую строчку в партийной иерархии края или, как принято было говорить в их кругах, — территории.

Для потомственного еврея и отпрыска троцкиста это было просто замечательно!

Что касалось матери молодого Блюментальского, то она была из известной дворянской семьи, чьи корни уходили вглубь веков.

Из рассказа было заметно, что Блюментальский гордится матерью и недолюбливает отца.

На следующий день Блюментальский отозвал Самсонова в уголок и шопотом сообщил, что он это всё придумал и ничего этого не было и быть не могло, а сам он из обыкновенной пролетарской семьи.

«Я так и понял,» — сказал Самсонов.- Сочувствую». И похлопал несчастного товарища по плечу…

С Блюментальским ему было легко. Они в прямом смысле понимали друг друга с полуслова и никогда всерьёз не обижались один на другого.

Кроме того, Блюментальский был горазд на всякого рода шуточки, одна из которых стала классической.

Помимо английского, им ещё в качестве довеска подсудобили немецкий — так сказать, факультативно.

Странно, однако немецкий язык у них вызывал смех. Он казался им грубым, солдафонским, ругачим.

Как-то, проходя тему убранства комнаты, они услышали незнакомое слово: bucherregale, означавшее всего-навсего «книжные полки».

Однако Блюментальский, подмигнув Самсонову, перевел это по-своему, как «бухарь рыгал».

Вся группа вместе с преподавателем полегла со смеха…

Чесмен, в отличии от Блюментальского, не имел в родне ни потомственных евреев, ни дворян.

Отец закончил рабфак, потом курсы пулемётчиков, воевал на трёх войнах, причём в последней был в свите нынешнего Генсека, на Малой земле.

Генсек был добрым и отзывчивым человеком. Он не забывал не только о себе, но и о своих приближённых, особенно крещённых войной.

Николай Иванович, начав после войны заниматься правопорядком в стране, дослужился до звания генерала милиции и должности начальника областного управления.

Матери у Чесмена не было — она умерла, когда ему было четырнадцать лет.

Отец больше не женился, обходясь пока в хозяйстве домработницей, а в постели — помощницей по общим вопросам.

Чесмен нравился Самсонову. Он был ближе ему по духу, чем Блюментальский. Даже несмотря на некоторые странности в поведении и часто неоправданную грубость

И еще склонность к фантазёрству. Классическим примером этого был рассказ Чесмена о том, как однажды, когда он ещё учился в школе, его слегка поколотили какие-то пацаны в районе кладбища.

Чесмен сумел от них убежать, вскочил в такси, доехал домой, схватил отцовский пистолет с полной обоймой, снова нырнул в такси, домчался до кладбища и, выскочив на ходу из машины, по-ковбойски, пятью выстрелами уложил пятерых своих обидчиков, сел на большой камень и сказал расстрелянным: «Вот так, чтоб вы знали!».

Шекспировский сюжет, конечно, завораживал, но возникали кое-какие вопросы, и один из них такой: " А почему ты не в тюрьме?» — «Потому что кончается на «у»!» — с превосходством победителя ответил Чесмен, и дискуссия на этом завершилась.

В первый же день занятий они, узнав, что все немного играют на гитарах, решили создать поп- группу.

Долго спорили насчёт названия, но в результате победил Чесмен с «Не лезь ко мне со своими советами!»

Длинно, неэффектно, зато эпатажно и со смыслом…

Гитары купил Путило, а распределили их так: лидер-Чесмену, ритм-Самсонову, бас-Блюментальскому.

Барабаны уже были — не в полном комплекте, но в достаточном для Малкина, который барабанил не хуже Ринго.

Зато выцыганили у Путилы шуровский микрофон!

Самсонов был солистом, а Чесмен — на подпевке. Остальным открывать рот во время концерта не разрешалось.

Пел Самсонов так себе, но произношение у него было лучше, чем у Мика Джеггера. Это бы и сам Мик признал, побывав на их концерте, при условии, что не окобякался бы с Малкиным.

Сначала они выступали в сводных концертах с парой песен с антивоенной тематикой (как представлял это начальству Чесмен) и имели шумный успех.

А потом пришло время юбилея революции, и они убедили Путило, что пора выходить на оперативный простор.

Чем это закончилось, читатель ещё узнает…

— 5 —

Вивариум устроили в аудитории, которая была памятна приятелям событиями хотя и давними, но замечательными.

Самсонов год назад, сдавая экзамен по английской лексикологии, на радостях, что ему удалось незаметно воспользоваться учебником Арнольда, схороненным за поясом просторных штанов из довоенной чесучи и прикрытым распашной рубашкой противной глазу расцветки, забыл учебник в столе, где его и обнаружила после занятий уборщица, похромавшая тотчас на кафедру и передавшая вещдок самой Розалинде Филимоновне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.